

УДК 94(470.6):378(075.8)

**Репрессивная политика большевиков
в казачьих районах юга России в условиях
коллективизации: принципы, методы, результаты**

Александр Павлович Скорик

Южно-Российский государственный технический университет, Россия
доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор

Аннотация. В публикации проведен анализ репрессивной политики большевиков, направленной в начале 1930-х гг. против донского, кубанского и терского казачьих сообществ. Выявлены и охарактеризованы принципиальные политико-идеологические основания осуществлявшихся партийно-советскими органами репрессивных антиказачьих акций, основные методы их проведения, масштабы и итоги. Обосновано авторское мнение о различии подходов к казачеству в среде партийно-советской бюрократии и рядовых членов компартии, что существенно влияло на репрессивную практику большевизма.

Ключевые слова: большевики; казачество; кампания «за советское казачество»; коллективизация; «раскулачивание»; репрессии; советская власть.

Введение. Развертывание сталинским режимом сплошной форсированной коллективизации в конце 1920-х – начале 1930-х гг. сопровождалось широкомасштабными репрессиями против российского крестьянства, а в казачьих районах – против казачества. Репрессивная практика большевиков в отношении казачества (в том числе в отношении донцов, кубанцев и терцев) в 1930-х гг. отличалась определенной спецификой, о чем и пойдет речь в представленной публикации.

Необходимо подчеркнуть, что правившая в СССР коммунистическая партия не демонстрировала единства взглядов по отношению к казакам. Анализ документации партийных комитетов разных уровней (от ЦК ВКП(б) до обкомов и райкомов), а также осуществлявшихся в казачьих районах мероприятий позволяет говорить о существенном различии подходов к казачьим сообществам, которых придерживались лидеры компартии и масса функционеров низового звена вкупе с рядовыми коммунистами. Доминировали два таких подхода – «социально-дифференцированный» и «этнографически-унитарный».

«Социально-дифференцированный» подход основывался на классовых принципах и был официально одобрен большевистскими лидерами. С позиций отмеченного подхода лишь зажиточная верхушка казачьих сообществ считалась априори враждебной советской власти, а широкие слои казаков («трудовое казачество») признавались более или менее надежными союзниками. Соответственно, репрессии следовало направлять не против всех вообще казаков, а лишь против «зажиточно-кулацких элементов». Конечно, перечень объектов репрессивной политики всегда мог быть расширен за счет разного рода «контрреволюционеров», каковыми считались все казаки, так или иначе демонстрировавшие антисоветские настроения, вне зависимости от их имущественного положения. Однако и в этом случае речь не шла об искоренении казачьих сообществ как таковых.

«Этнографически-унитарный» подход официально признан не был, но пользовался широчайшей популярностью среди рядовых коммунистов и представителей низовых органов советской власти на Юге России, которые в большинстве своем принадлежали не к казачеству, а к иногороднему крестьянству или промышленным рабочим и служащим. Сторонники указанного подхода изображали казаков как однородную массу неисправимых ненавистников социализма, которые заслуживали немилосердных репрессий со стороны советской власти. Эти люди считали желательным и необходимым осуществление неограниченных карательных акций в отношении казачьих сообществ, не различая социальной принадлежности объектов террора. В условиях коллективизации «этнографически-унитарный» подход находил выражение не только в повальном «раскулачивании» или причислении множества членов казачьих сообществ к числу

«контрреволюционеров» со всеми вытекающими последствиями, но и в недопущении казаков в колхозы либо изгнании таковых из коммун и сельхозартелей.

Разность этих двух подходов к казачеству, сформировавшихся в сознании большевиков еще в 1917–1929 гг., стала тем важным фактором, который самым серьезным образом опосредовал форсированную коллективизацию в казачьих районах Дона, Кубани, Терека. В условиях насильственной коллективизации попытки сохранить классовые основы казачьей политики большевиков соседствовали на Юге России с массой антиказачьих акций, огульно направленных против казаков как таковых.

В условиях ускоренного «колхозного строительства» представители местных органов власти, активисты, сотрудники репрессивно-карательных органов нередко осуществляли акции, направленные не только против «кулацко-зажиточной» верхушки казачества, казачьих офицеров, бывших участников Белого движения и пр., но и против казаков вообще. Тем самым возобладал «этнографически-унитарный» подход к казачьим сообществам. Эти акции носили частный характер и ограничивались пределами сельских населенных пунктов; невозможно утверждать наличие среди местного руководства некоего «антиказачьего сговора». Но, судя по свидетельствам источников, антиказачьи меры были распространены повсеместно, образуя в совокупности масштабный репрессивный фронт.

Уже в апреле 1930 г. в краевой газете Северо-Кавказского края «Молот» была помещена публикация, в которой признавалось существование огульно-враждебного отношения к казачеству среди местного руководства и активистов: «**левые**» (здесь и далее выделено жирным шрифтом в соответствии с источником – А.С.) головотяпы расценивают все казачество, сплошь, как враждебную социализму силу. Они не хотят **отличить** казака-середняка от казака-кулака. Отсюда – «теория» неизбежных конфликтов с казачеством, в том числе и середняцким. Отсюда – прикрытая фиговым листком «левой» фразеологии антипартийная практика **подавления** середняка-казака вместо **переделки** его психологии, игнорирования – вместо привлечения и т.д.» [1].

О том же говорилось в докладной записке под длинным названием «Материалы проверки выполнения Северо-Кавказским Краевым Комитетом ВКП(б) постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 июля 1929 г. по вопросам подъема и реконструкции сельского хозяйства края». Записка, датированная 4 февраля 1931 г., была подписана ответственным инструктором ЦК ВКП(б) О. Галустяном и предназначалась для членов Центрального комитета партии, в связи с чем в ней достаточно подробно и объективно анализировался ход «колхозного строительства» в Северо-Кавказском крае. Помимо прочего, в данном документе прямо указывалось, что имеет место «непонимание отдельными руководителями-коммунистами линии партии в отношении бедняцко-середняцкого слоя казаков-единоличников (игнорирование, огульное подведение их под категорию контрреволюционеров, отсутствие политическо-массовой работы с бедняцко-середняцким казачеством, недостаточное вовлечение их в участие в советском и социалистическом строительстве)» [2]. Кроме того, Галустян утверждал, что казаки не допускались в органы местного самоуправления (сельские и станичные советы) и даже в коллективные хозяйства: «имеется ряд случаев, когда активного бедняка, середняка-казака исключали из колхозов», а «в ряде мест [колхозники-иностранцы] отказывались принимать в колхоз единоличников только из-за того, что они – казаки» [3].

Вышеотмеченные случаи негативного отношения местного начальства и активистов ко всем вообще казакам, давления на них и репрессий по отношению к ним, вне зависимости от социально-имущественных критериев, были весьма многочисленны; в противном случае советская пресса не стала бы бить тревогу. Вышестоящее партийно-советское руководство, придерживавшееся «социально-дифференцированного» подхода к казачьим сообществам, не одобряло таких огульных репрессий, хорошо понимая, что их результатом может стать распространение антисоветских настроений среди казаков и, в самом худшем случае, – повстанческое движение в районах компактного расселения донцов, кубанцев и терцев. Поэтому члены Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), окружкомов и многих райкомов компартии на Юге России решительно осуждали огульно-враждебное отношение к казачеству, демонстрируемое местными коммунистами и беспартийными активистами из числа иностранцев. В частности, об этом недвусмысленно говорилось в известном постановлении бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе среди казачьего населения, принятом 26 апреля 1930 г.: «небольшевистским и вреднейшим является настроение среди части местных работников предвзятого, недоверчивого отношения к

казаку только потому, что часть казачества была обманута генералами и кулаками, участвуя в белых армиях» [4].

Вместе с тем, ратуя за союз со средними и беднейшими слоями казачьих сообществ Дона, Кубани и Терека, высокопоставленные партийно-советские чиновники на Юге России не имели ничего против масштабного «раскулачивания» и репрессий в отношении реальных и потенциальных «контрреволюционеров» из числа казаков. При этом представители власти полагали, что по ряду причин численность объектов «раскулачивания» и репрессий в казачьих станицах должна быть выше, чем в крестьянских селах.

Основанием для расширения масштабов «раскулачивания» в казачьих станицах выступало то обстоятельство, что хозяйства казаков в 1920-х – начале 1930-х гг. по экономическим показателям нередко превосходили хозяйства крестьян. Так, в Верхне-Донском районе Северо-Кавказского края, который, как отмечали его руководители, «по своему составу населения преимущественно казачий», накануне сплошной коллективизации насчитывалось 9 565 хозяйств. Из них 1 349 хозяйств относились к числу кулацких (14 %), 6 339 – середняцких (66 %), и только 1 877 – бедняцких (19 %) [5]. То есть «кулаков» и середняков в массе казачества было заметно больше, чем бедняков. Естественно, казаки при этом становились первоочередными объектами «раскулачивания» для коллективизаторов. Кроме того, поскольку «раскулачивание» практически сразу приобрело ярко выраженную социально-политическую направленность, многие «кулаки» (даже происходившие из числа середняков) объявлялись «кулаками» на том основании, что в годы гражданской войны они воевали на стороне белых. Здесь нельзя не согласиться с В.В. Гаташовым, который утверждал, что во время коллективизации «принадлежность к казачеству, участие в годы гражданской войны на стороне белых могло служить основанием для зачисления середняков, отвергавших коллективизацию, в разряд кулаков» [6].

Точный процент казачьих хозяйств в общей массе «раскулаченных» установить затруднительно, поскольку в 1930-х гг. такого рода подсчеты не велись (во всяком случае, это задача будущих исследований). Очевидно, утверждения о том, что в первой половине 1930-х гг. было «раскулачено» и депортировано из Северо-Кавказского края «более миллиона казаков» (то есть примерно половина от их численности в 1926 г.) выглядят необоснованными; столь же неправомерны, на наш взгляд, и попытки трактовать «раскулачивание» как продолжение в новых исторических условиях политики «расказачивания» [7]. Очевидно, однако, что процент «раскулаченных» в казачьих районах был весьма высок. Не случайно первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев признавал в январе 1931 г., что осуществление «раскулачивания» в крае, жертвами которого стало множество донцов, кубанцев и терцев, породило среди казаков слухи о повторной попытке «расказачивания» [8].

Помимо «раскулачивания», большевики были склонны расценивать казаков и как приоритетные объекты репрессий. Ведь Дон и Северный Кавказ, население которых в годы гражданской войны зачастую сражалось отнюдь не за «красный лагерь», считался среди коммунистов «прибежищем контрреволюционеров». Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреев, используя своеобразный, но выдержанный в духе той эпохи лексикон, заявлял в начале 1929 г.: «Нечего доказывать, что Северный Кавказ является наиболее махровым районом из всего Союза Сов.[етских] Республик, где эта самая грязь, антисоветские нечистоты сосредоточились больше, чем где-либо в других районах, потому что сюда откатывалась контрреволюция во время гражданской войны, и здесь белогвардейцы в известной степени задержались в своем разбитом виде...» [9].

Мотивами репрессий становились участие того или иного казака в давно минувшей гражданской войне на стороне белых (а против большевиков воевала тогда преобладающая часть казачества), пребывание некоторое время в эмиграции, исполнение казаком в дореволюционный период административных обязанностей в станице (атаман, помощник атамана, писарь и т.п.), негативное отношение к коллективизации и колхозам и т.п. Источники содержат массу материалов такого рода.

Надо сказать, что в начале 1930-х гг. служба того или иного казака в Белой или Донской армиях формально-юридически уже не могла быть квалифицирована как преступление: ведь еще в начале 1920-х гг. большевики сами же амнистировали рядовых участников белого движения. Но для сталинского режима (а тем более для множества его

рядовых, низовых представителей) срока давности не существовало: казак-«белогвардеец», казак-«контрреволюционер» времен гражданской войны оставался таким же классовым врагом в глазах властей и в послевоенной Советской России, несмотря на минувший десяток лет. Поэтому в условиях форсированной коллективизации для массы казаков, в лояльности которых представители власти сильно сомневались, факт участия в гражданской войне на стороне белых сам по себе уже являлся отягчающим обстоятельством, а нередко и основой для репрессий.

Для сотрудников ОГПУ – НКВД, которые на всем протяжении 1930-х гг. пытались репрессивно-карательными мерами наладить эффективное функционирование колхозной системы, принадлежность казака к числу «бывших белогвардейцев» служила наилучшим доказательством его враждебности к советской власти или колхозам, его «вредительских» намерений или непосредственно «вредительства». В документах карательных органов неоднократно подчеркивается принадлежность казаков, выступавших против колхозной системы (или попросту критиковавших ее в кругу знакомых и односельчан), к числу «бывших белогвардейцев» [10]. При этом зачастую сложно понять, что именно стало основным мотивом репрессий против этих казаков: то ли их антиколхозная деятельность, то ли участие в Белом движении.

Так, в августе 1933 г. в колхозе им. Шевченко Старо-Минской МТС одноименного района Северо-Кавказского края за неудовлетворительное выполнение служебных обязанностей и злоупотребление своим положением была арестована практически вся верхушка административно-управленческого аппарата: председатель, ряд членов правления, завхоз, кладовщик. Это в общем-то вполне ординарное событие: в первой половине 1930-х гг. колхозные администраторы очень часто подвергались арестам либо из-за того, что не могли наладить эффективное функционирование вверенных им колхозов, либо по причине непомерного пьянства, растрат, хищений и других злоупотреблений властью. Таким путем сталинский режим пытался наладить нормальную работу колхозной системы, не замечая, что борется со следствием, а не причиной.

Однако аресты управленцев колхоза им. Шевченко имели одну особенность: вместе с колхозными чиновниками аресту подверглись некоторые рядовые колхозники, «юридически не занимавшие руководящие должности», но, по утверждениям сотрудников ОГПУ, «фактически решавшие основные вопросы в жизни колхоза». Среди этих закулисных кукловодов, которые якобы оказывали негативное влияние на колхозных администраторов и исподволь разваливали коллективное хозяйство, были в первую очередь указаны кубанские казаки, служившие в Белой армии или относившиеся к казачьей верхушке: Д.Ф. Чепурной, «бывший белогвардеец, подхорунжий, служил в личном конвое ген.[ерала] Врангеля и в карательном отряде ген.[ерала] Павлюченко», Н.П. Ганжа – «сын пом.[ощника] атамана» (видимо, имелся в виду станичный атаман) и др. [11].

Еще более тяжким обвинением для того или иного казака, попавшего в зону внимания ОГПУ, являлась его принадлежность к числу реэмигрантов, то есть к числу казаков, вернувшихся на Родину из-за рубежа в 1920-х гг. по предоставленной советской властью амнистии. Казаки-реэмигранты чуть ли не автоматически считались «врагами», поскольку когда-то имели несчастье скрыться на территории других стран от наступавшей Красной Армии (а потом имели еще большее несчастье вернуться на Родину, оказавшуюся на самом деле для них очень агрессивной мачехой). Логика здесь была простая: если эмигрировал, значит, чувствовал за собой какую-то вину, то есть был настоящим врагом советской власти, и, следовательно, может вновь стать ее врагом, а то, что в данной ситуации на казаков, по ироничному выражению А.И. Козлова, «навешивали дохлых собак» [12] (то есть припоминали прошлые грехи при фактическом отсутствии противоправных деяний в настоящем), сотрудников ОГПУ нисколько не смущало.

Зачастую принадлежность казака к репатриантам сама по себе служила обвинением либо обстоятельством, отягчающим вину. Например, весной 1934 г. в одном из колхозов Мешковской МТС Азово-Черноморского края была «вскрыта и ликвидирована» (устойчивое словосочетание из документов ОГПУ–НКВД) «хищническая группировка» из 6 человек. Как обычно, в отношении каждого участника группировки приводились анкетные данные с явным обвинительным уклоном (подчеркивалось, что большинство арестованных относились к «кулакам», имели осужденных родственников или сами в недалеком прошлом были судимы и пр.). При этом относительно одного из арестованных участников данной «хищнической группировки» сотрудники карательных органов сочли возможным

зафиксировать единственную характеристику – «репатриант» [13]. Как видим, в описанном нами случае принадлежность к репатриантам выглядит настолько тяжким обвинением, что работники ОГПУ просто не стали утруждать себя поиском иных компрометирующих материалов: по их мнению, казак-белогвардеец, эмигрировавший с войсками П.Н. Врангеля, а затем вернувшийся в Советскую Россию, гарантированно являлся истинным врагом большевиков.

Значительные масштабы «раскулачивания» и репрессий, осуществленных в казачьих станицах Дона, Кубани, Терека во время сплошной форсированной коллективизации, позволяют говорить о том, что в ряде случаев позиции сторонников «социально-дифференцированного» и «этнографически-унитарного» подходов к казакам смыкались. Вместе с тем сторонники первого из указанных подходов демонстрировали более осторожное и взвешенное отношение к казачьим сообществам, резко критикуя огульно-враждебное отношение местных партийно-советских чиновников и активистов вообще ко всем казакам. В конечном счете повального «расказачивания» в первой половине 1930-х гг. удалось избежать. Тем не менее результаты «раскулачивания» и антиказачьих репрессий были негативны. Коллективизация, сопровождавшаяся антиказачьими акциями, надолго разобщила власть и значительную часть казачества, серьезно деформировала чувство патриотизма, свойственное казакам как членам корпорации воинов-земледельцев, защитников Отечества. К счастью, можно говорить лишь о деформации казачьего патриотизма в результате коллективизации с ее «раскулачиванием» и репрессиями, а не о полном его разрушении. Большинство донцов, кубанцев и терцев остались верны древним традициям защиты Родины (в определенной мере сыграло свою роль и улучшение жизни на селе как непосредственный результат организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы во второй половине 1930-х гг.). Они доказали это своей кровью в годы Великой Отечественной войны. В 1941–1945 гг. большинство южно-российского казачества стало защищать свое Отечество на советской линии фронта.

Примечания:

1. Цалюк Д. Наши классовые задачи и работа среди трудового казачества // Молот. 1930. 27 апреля.
2. Центр документации новейшей истории ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 945. Л. 23.
3. ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 945. Л. 23а.
4. Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе среди казачьего населения Северного Кавказа // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Краснодар, 1972. С. 295–296.
5. ЦДНИ РО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.
6. Донская история в вопросах и ответах / Под ред. Е.И. Дулимова, С.А. Кислицына. Т. I. Ростов н/Д., 1997. С. 293.
7. Регионоведение (Юг России: краткий тематический словарь) / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова, А.В. Попова. Ростов н/Д., 2003. С. 87.
8. ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1074. Л. 23.
9. Из доклада А.А. Андреева на 8-й краевой партконференции «О борьбе с бюрократизмом в наших рядах» // Молот. 1929. 30 января.
10. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 111. Л. 136; Д. 112. Л. 141, 142; Д. 114. Л. 49.
11. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 22. Л. 90–91.
12. Козлов А.И. М.А. Шолохов: Времена и Творчество. Ростов н/Д., 2005. С. 443.
13. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 113. Л. 44.

References:

1. Tsalyuk D. Nashi klassovye zadachi i rabota sredi trudovogo kazachestva // Molot. 1930. 27 aprelya.
2. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii rostovskoi oblasti (TsDNI RO). F. 7. Op. 1. D. 945. L. 23.
3. TsDNI RO. F. 7. Op. 1. D. 945. L. 23a.
4. Postanovlenie byuro Severo-Kavkazskogo kraikoma VKP(b) o rabote sredi kazach'ego naseleniya Severnogo Kavkaza // Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva na Severnom Kavkaze (1927–1937 gg.). Krasnodar, 1972. S. 295–296.
5. TsDNI RO. F. 34. Op. 1. D. 117. L. 1.
6. Donskaya istoriya v voprosakh i otvetakh / Pod red. E.I. Dulimova, S.A. Kislitsyna. T. I. Rostov n/D., 1997. S. 293.

7. Regionovedenie (Yug Rossii: kratkii tematicheskii slovar') / Pod obshch. red. Yu.G. Volkova, A.V. Popova. Rostov n/D., 2003. S. 87.
8. TsDNI RO. F. 7. Op. 1. D. 1074. L. 23.
9. Iz doklada A.A. Andreeva na 8-i kraevoi partkonferentsii «O bor'be s byurokratizmom v nashikh ryadakh» // Molot. 1929. 30 yanvarya.
10. TsDNI RO. F. 166. Op. 1. D. 111. L. 136; D. 112. L. 141, 142; D. 114. L. 49.
11. TsDNI RO. F. 166. Op. 1. D. 22. L. 90–91.
12. Kozlov A.I. M.A. Sholokhov: Vremena i Tvorchestvo. Rostov n/D., 2005. S. 443.
13. TsDNI RO. F. 166. Op. 1. D. 113. L. 44.

УДК 94(470.6):378(075.8)

Repressions by Bolsheviks in Cossack Settlements of Russian South Principles, Methods, Results

Aleksandr P. Skorik

South Russian State Technological University, Russia
PhD (History)

Abstract. The article analyzes the repressive policy conducted by Bolsheviks against Don, Kuban and Tersk Cossack Communities at the beginning of 1930s. The anti-Cossacks measures, key methods and consequences are shown in the article. The Author proves the existence of different approaches towards the Cossack Communities, which influenced the repressions policy by Bolsheviks.

Keywords: Bolsheviks; Cossacks; 'For Soviet Cossacks' Campaign; collectivization; 'dekulakization'; repressions; Soviet Government.